

История без названия

ТАНЯ
СВОН

Таня Свон
История без названия
Серия «Их история», книга 1
Серия «Романтические
истории Тани Свон»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69649258
История без названия / Таня Свон: Эксмо; Москва; 2023
ISBN 978-5-04-192046-3

Аннотация

Ангелина Кольцова совсем недавно окончила школу и теперь беспокоится о поступлении в университет. Ко всем тревогам добавляется совершенно неожиданная новость – издательство хочет выпустить книгу Ангелины. Она счастлива, но пока не знает, что ей предстоит пройти тяжелый путь к мечте, наполненный разочарованиями и болью. И чем обернется на этом пути любовь? Обретет ли Геля вдохновение, или от счастья останутся только осколки?

Содержание

Плей-лист	6
Пролог	7
Глава 1	9
Глава 2	22
Глава 3	37
Глава 4	46
Глава 5	61
Глава 6	84
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Таня Свон

История без названия

Дилогия «Их история»

© Таня Свон, текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Плей-лист

Keep You On My Side – CHVRCHES

Forever – CHVRCHES

Neo-Tokyo – Scandroid

Mirror – Fhe

Fly for Your Life – GUNSHIP

Love Me More – Mitski

Cheerleader Effect – Carpenter Brut, Kristoffer Rygg

Playing Dead – CHVRCHES

Homeless – Marina Kaye

The Loneliest – Måneskin

Пролог

«Наше издательство ознакомилось с вашей рукописью. Мы хотим взять книгу в работу. Ангелина, вы готовы к сотрудничеству?»

Счастье взрывается внутри фейерверком и высвобождается радостным воплем. Стул с грохотом падает на пол, когда я вскакиваю из-за стола и прыгаю, едва не сбивая макушкой люстру. Позабыв о противном соседе снизу, который заставляет всю нашу семью ходить на цыпочках, скачу с довольным писком, пока дверь в комнату вдруг не распахивается.

– Ангелина?! Что случилось?

Кажется, папа побелел от удивления, но все дело в муке. Ею он перепачкан так, что даже фартук с розовыми мишками не спасает. Бросаюсь его обнимать, не обращая внимания ни на муку, ни на взгляд, что в мгновение ока вдруг становится строгим и серьезным, ни на скалку, которой папа наверняка хотел бы меня легонько стукнуть, чтобы успокоилась.

– Чего топаешь? Хочешь, чтобы Игнат Олегович опять ругаться пришел?

Мотаю головой с широченной улыбкой. Папа смотрит на меня со смесью недоумения и ужаса. «Может, бешенство?» – читаю в его ясных голубых глазах и смеюсь этим мыслям.

– Мне ответило издательство! – Не могу удержаться и сно-

ва начинаю подпрыгивать от восторга. — Они издадут мою книгу!

Теперь уже папа, как ребенок, скачет вместе со мной. На шум из кухни выходит мама, но и она очень скоро присоединяется к нашей радости. И только Паша, мой шестилетний брат, неодобрительно цокает языком:

— Расшумелись. Вот Игнат Олегович сейчас придет и как...

— Потерпит! — Мама ловит Пашку за руку и притягивает к нам.

В этот момент, окруженная родными и их теплом, я верю, что меня и мою книгу ждет светлое, полное счастливых моментов литературное завтра.

Но если бы я умела заглядывать в будущее, то письмо от издательства так бы и осталось без ответа.

Глава 1

Июль

Мари приходит спустя час после моего звонка. Подруга появляется на пороге квартиры в привычно ярком наряде: неоновый розовый топ, широкие небесно-голубые штаны на резинке и массивные кроссовки на подошве цвета клубничного зефира. Над зелеными глазами – лазурные стрелки со стразами у кончиков, настолько ровные, что даже зеркальное отражение не может быть таким идеальным.

– Ты со свидания, что ли, сбежала? – вместо приветствия выдаю я, а Мари мгновенно парирует:

– А у тебя лицевой нерв защемило? Поэтому так улыбаешься?

Она щиплет меня за щеки, а я вместо того, чтобы, как обычно, увернуться от пытки, смеюсь.

– Нет, – с наигранным ужасом выдыхает Мари, – тут не в нерве дело... Ты что, напилась... – Она понижает голос до шепота и добавляет: – Без меня?!

– Марина, здравствуй! – с кухни кричит мама, а секунду спустя из зала ей вторит папа.

Мгновением позже я замечаю, что из своей комнаты в коридор любопытный нос высунул Пашка. Наверняка услышав *всю* беседу, мелкий осуждающе качает головой.

– Щас как щелкну! – показываю ему готовую к щелбану руку, и брат моментально испаряется.

Совсем скоро он вырастет, и уже я буду бояться его щелбанов. Но пока...

– Всем привет! – кричит Мари, сбрасывая кроссовки, которые прибавляли ей добрых пять сантиметров роста. – А я тут тортик принесла!

Паша снова приоткрывает дверь и подсматривает за нами уже с интересом и предвкушением. Точнее, за коробкой в руках Мари, перевязанной золотой лентой. Можно подумать, брата дома не кормят!..

– Зачем потратилась? – киваю я на десерт, пока мы обе идем по длинному коридору на кухню.

– Это ты мне скажи, что за повод, – пожимает плечами Мари. – Не я же с криком «Срочно приходи!» позвонила подруге прямо в разгар занятия по вождению.

– Упс... Того самого занятия?

– Ага.

То, что Мари сохнет по своему препода по вождению, я знала. И то, что занятия с ним бывают всего раз в неделю, тоже помнила... Но почему-то забыла, что один из этих знаменательных дней как раз сегодня.

Черт.

– Да ладно, – отмахивается Мари. – У тебя ведь что-то важное случилось. Так ведь?

Она бросает на меня такой взгляд из-под темной челки,

что неподготовленного человека удар бы дернул. «Молись, чтобы это было действительно что-то стоящее», – говорят зеленые кошачьи глаза. К счастью, я знаю, что моя новость уж точно ничем не хуже занятия-тире-свидания с молодым и красивым преподам.

Мы оставляем торт на кухне, где мама немного щебечет с Мари. Стандартный набор вопросов для вчерашних школьников: «Уже подала документы в университет? А в какой? А в другие планируешь отправлять?»

Только в нашем с Мари случае все очевидно и без вариантов: мы обе подали документы в один вуз, в институт клинической психологии.

– Ладно, мам, мы пойдем? – Я беру Мари за руку и тяну в сторону своей комнаты. – Нам нужно последние новости обсудить.

– Конечно-конечно. – Мама тотчас отворачивается к плите, на которой что-то уютно бурлит. – Я чуть позже вам тортик тогда занесу!

Едва за нашими спинами закрывается дверь в мою комнату, Мари не выдерживает. Она кидает плотно набитый рюкзак на кровать, застеленную пушистым кофейным пледом, а сама впивается в мои плечи остро заточенными ногтями. Такими длинными, что если я рискну испытывать терпение подруги, то она вонзится ими в плоть до самых костей.

– Все, кончай тянуть уже. Колись, Геля. Что случилось? Изображаю пальцами барабанную дробь, а затем торже-

ственно объявляю:

– Мой «Магический дебют» издадут! В бумаге! Та-да-а!

Челюсть Мари отвисает настолько, что сережка в ее языке начинает поблескивать в свете неоновой лампы в форме сердца.

– Офигеть.

Сказав это, она падает на мою кровать, широко раскинув руки. Смеясь, я ложусь рядом. На бок, чтобы видеть удивленное, но довольное лицо подруги.

– А что за издательство?

– «Знак», – гордо делюсь я, прекрасно зная, что оно входит в тройку крупнейших. Не первое, конечно, но для дебютной книги это...

– Офигеть, – выдыхает за нас обеих Мари. – Слушай, тортик на такое событие – это как-то слабо.

Мари притягивает за лямку голографический рюкзак, увешанный пушистыми помпонами. Изнутри показывается вытянутое горлышко, и я резко подскакиваю на кровати:

– Убери! Родители же дома!

– Гель, нам уже по восемнадцать...

– Кхем-кхем.

– Ла-адно! Тебе восемнадцать, а мне немного меньше...

Но все окей! По глотку выпьем, чтобы отметить. Нестрашно.

– Зачем ты вообще шампанское с собой притащила?!

– На случай, если твоя новость вдруг окажется полной катастрофой. – Недолго подумав, Мари добавляет: – Или три-

умфом. Ну? Будешь?

– Оно ж бахнет, когда открывать будем. Услышат.

Мари приподнимает левую бровь и склоняет голову набок. О, этот взгляд я хорошо выучила за годы нашей школьной дружбы! «Смотри и учись» – вот что он значит.

Подруга садится за стол, что-то быстро выстукивает на клавиатуре, а через пару щелчков мышки из колонок на всю начинает играть какая-то старая песня. Пока солист тянет «Я тебя поздравляю», Мари с грацией царицы открывает шампанское.

Бутылку приходится в тот же миг спрятать за штору у балкона, потому что дверь в комнату приоткрывается.

– Девочки, это что, Игорь Николаев? – спрашивает папа, не веря своим ушам.

– Это праздничная подборка, – перекрикивает музыку Мари, а я едва сдерживаю смех. Знал бы папа, что у нас тут самое праздничное стоит за бежевой шторой с люрексовыми звездами...

– Не знал, что молодежь сейчас такое слушает. – Папа чешет светловолосый затылок, а потом просит: – И лучше сделайте музыку потише.

– А то Игнат Олегович снизу придет? – догадываюсь я, но папа качает головой и пальцем указывает в сторону кухни.

– Твоя мама. Вы ее тогда отсюда ни за что не выставите.

– Аргумент. – Мари послушно убавляет громкость.

Папа показывает нам большие пальцы вверх и уходит, за-

крыв за собой дверь.

Мы смеемся и по очереди отпиваем шампанское прямо из горла. Воздушные пузырьки щекочут горло и моментально ударяют в голову, которая быстро начинает кружиться. Да уж. Пить я совсем не умею, это мы еще на выпускном выяснили.

– Еще? – Мари кивает на шампанское, но я мотаю головой. Подруга понятиливо кивает, закупоривает бутылку и прячет ее в рюкзак. Затем перебирается ко мне на кровать и серьезно выдает: – Гель, ты серьезно книгу «Магический дебют» назвала?

Недоуменно моргаю, не понимая, что не так.

– Господи... – Мари ударяет ладонью по лбу, откидывается на подушку и драматично вздыхает. – Лучше бы оставила без названия...

– Как ты себе это представляешь? Встречайте! «История без названия»! От создателей «Новая папка один» и легендарного сиквела «Новая папка два»! – объявляю я голосом циркового ведущего.

– Моя подруга клоун, – морщится Мари. – Еще скажи, что издаваться будешь под своим настоящим именем.

– А что такого? Ангелина Кольцова – звучит нормально.

Щеки облизывает жаром, и я не могу понять – то ли от внезапного стыда, то ли это такая странная реакция на микродозу алкоголя. Тишину между нами заполняет тихо играющая музыка. Мари смотрит на меня, даже не моргая, будто

в душу заглядывает.

– Жесть. Не зря говорят, что написать книгу и издать ее – это два совершенно разных пути.

– К чему ты клонишь, Зябликова?

– К тому, что в интернете сидеть чаще надо. Ты ведь совсем не понимаешь, в какую среду сейчас попадешь!

Мама Мари – маркетолог, и порой мне кажется, что подруга часть знаний из этой сферы впитала с молоком. В конце одиннадцатого класса Мари продала наши конспекты, устроив целый аукцион среди десятиклассников. Тетрадки чуть с руками не оторвали. А ведь мы далеко не отличницы!

– Как это не понимаю? – возмущаюсь я, расправив плечи и перекинув светлые волосы через плечо. – Я много читаю, слежу за новинками...

– Тогда повышай уровень. Начинай следить не за новинками, а за реакцией на них.

– Ага, – фыркаю я возмущенно. – А когда учиться? Когда писать новую рукопись?

– Побеждает не сильнейший, а тот, кто умеет приспособливаться. – Мари уже водит пальцем по экрану смартфона. Блики от сменяющихся картинок танцуют в ее глазах, пока подруга что-то усердно ищет.

Спустя пару минут Мари поворачивает телефон ко мне экраном:

– Вот, смотри.

– Топ-10 продаваемых книг июля. И что?

– Смотри внимательнее.

Взгляд прыгает от одной обложки к другой. Пытаюсь найти среди них что-то общее, но ничего не выходит. Однотонные простенькие обложки соседствуют с яркими иллюстрациями. Никакой связи.

– Посмотри на авторов. Что думаешь?

– Что все имена зарубежные. Ничего удивительного. И что дальше-то?

Мари, не отворачивая экран, проводит пальцем так, чтобы стала видна первая часть заголовка: «Русская литература». У меня чуть челюсть на пол не падает.

– Теперь поняла? – довольно ухмыляется Мари. – Ангелине Кольцовой среди *таких* имен житья будет не особо легко. А вот, например, Лине Ринг...

Лина – это еще одно сокращение от моего полного имени, хотя близкие обычно зовут ласковым Геля. А Ринг, очевидно, – перевод от сокращенной фамилии.

Самодовольное выражение лица Мари не испаряется, и я понимаю, что этот раунд с треском провалила. Нужно признать, что псевдоним она придумала неплохой. Но я не спешу.

– Ты что, готовилась к этому разговору?

Зеленые глаза подружки хитро блестят, когда она гордо скидывает подбородок. Даже стразы на лазурных стрелках начинают сверкать ярче.

– В отличие от тебя я верила, что твою книгу примут, и

заранее решила прощупать почву. Как видишь, не зря, *Лина*. Или все же Ангелина, м? – Она с кошачьим изяществом подпирает подбородок кистью.

Я улыбаюсь и качаю головой, задумчиво смотря на цветные огоньки, что в такт музыке пляшут вокруг динамиков колонок.

– Твоя взяла. Буду Лина Ринг! Но название...

– О, а это еще одна тема для нашей беседы!

– Ну уж нет!

– Да! Геля, да! Я подготовилась, вот смотри!

Она пододвигается ко мне и приобнимает за плечи, чтобы не сбежала. Подруга открывает галерею, в которой прямо сверху закреплена папка с красноречивым названием «Обложки». Дата последнего обновления – вчерашний день. Выходит, пока я нервно кусала ногти в ожидании ответа, Мари времени даром не теряла.

– Тебе совсем нечем заняться после сданных экзаменов? – Аккуратно толкаю подругу плечом, но смутить ее не удастся.

– А что мне еще в свободное время делать? Не о поступлении же переживать!

Ауч. Прямо в яблочко!

После того как подала документы в вуз, на одну головную боль стало больше. Раньше я гипнотизировала взглядом только почту, надеясь увидеть заветное электронное письмо от редактора, а теперь еще и сайт деканата. Знаю, что списки поступивших выставят лишь под конец августа, но все равно

обновляю страничку по несколько раз в день. Это уже как ритуал на удачу. И раз с издательством такая штука сработала, может, и с поступлением повезет?

– Короче. Смотри и вдохновляйся, – советует Мари, – названиями, обложками... Псевдонимами.

Я вновь пихаю ее в плечо. На этот раз чуточку сильнее, за что Мари показывает мне язык.

– Да поняла я уже! Лина Ринг. Никаких Ангелин Кольцовых! – отчитываюсь я голосом провинившейся ученицы. – Только зачем? Что за мода на иностранные псевдонимы?

С искренним интересом смотрю на Мари и жду ответа от своего всезнающего Зяблика, но та лишь разводит руками. Вот это поворот! Я-то думала, она весь книжный мир прошерстила и посвятит меня в его подноготную. Не тут-то было. Грести придется самой.

– Чего так смотришь? Я не особо углублялась в тему. Я так...

– Верхушек похватила, – говорим мы в унисон, пародируя нашу уже бывшую классную руководительницу.

Ольга Олеговна вела у нас русский язык и литературу. Ее уроки я очень любила и к заданиям всегда подходила с полной отдачей, за что учительница меня неизменно хвалила. Ей нравились мои сочинения. Наверное, именно благодаря похвалам Ольги Олеговны еще в средней школе я поверила в себя и в свою мечту.

Следующие полчаса мы листаем большущую папку в те-

лефоне Мари, изучая развороты обложек. Любуемся, читаем аннотации и коротенькие отзывы под ними.

– «После этой истории вы научитесь мечтать», – читаю вслух сам отзыв, а затем имя его автора: – Книжная царица девять один. Блогер.

– «Книга, перевернувшая мою жизнь», – зачитывает отзыв с другой обложки Мари. – Литературный гид. Блогер.

Мы изучаем еще несколько таких блёрбов, иногда смеемся над странными никами и спрашиваем друг друга: «Это кто?» Ответ всегда звучит одинаково – мы понятия не имеем, однако в конце концов Мари вздыхает:

– Знаешь, у тебя на книге должна быть такая же штука. Круто, когда кто-то, к чьему мнению прислушиваются, рекламирует тебя прямо с обложки.

Мой телефон кричит, оповещая об уведомлении. Заглядываю в загоревшийся экран и шумно вздыхаю. Что же, это не тот вопрос, который ожидала получить от издательства в первый же день сотрудничества...

– И что мне на это ответить? – Я показываю письмо от редактора подруге.

Взгляд Мари бежит по строчкам, и чем дальше она читает, тем ниже опускаются ее брови.

– Так, тут про то, что ты согласна сотрудничать... И про документы для договора хоть и нудно, но понятно...

– Последнюю строчку читай.

Мари делает это вслух:

– Ангелина, скажите, как вы планируете продвигать свою книгу?

У меня внутри что-то обрывается, будто я уже не оправдала ожиданий: издательства и свои.

Почему-то я всегда была уверена, что написать книгу и хорошо отредактировать ее – единственная обязанность автора. Попав к издателю, история становится его ответственностью, а писатель лишь контролирует процесс, иногда дает направляющие комментарии.

Короче говоря, в мечтах я наблюдала, как мой роман становится бестселлером, со стороны. Желательно со стороны какого-нибудь балкончика дорогого отеля во Франции, номер в котором сниму в честь первого гонорара.

Я почти ощущала запах французской выпечки, которой буду наслаждаться каждое утро своего писательского отпуска... Только вот это сообщение от редактора буквально швыряет меня с верхушки Эйфелевой башни прямо об ухабистый, чисто русский асфальт.

– И что мне им ответить? – Я обреченно вздыхаю. Подхожу к компу и вырубаю музыку, которая больше не поднимает настроение, а только мешает думать.

Еще и шампанского глотнула... Голова кругом от него! Или от внезапного вопроса, который свалился как снег – нет, кирпич – на голову?

– Я ведь даже онлайн книги никогда не выставляла – берегла для издательства!

– А я говорила, что это ты зря... Так бы хоть немного влиться в книжную тусовку успела, – между делом бурчит Мари.

– И что мне им написать? – Я начинаю вышагивать вдоль комнаты, судорожно генерируя идеи. – Закажу билборд? Куплю рекламу по телику? Нет, дорого. По радио!

Мари лишь качает головой, глядя на меня сквозь пальцы прижатой к лицу ладони. Не обращаю на нее внимания. Нет чтобы помочь, она только соль на рану сыплет!

– Может, в интернете таргет взять? Или самой в пабликах просить посты разместить?

– О, это уже лучше! – щелкает пальцами подруга.

Будь мы в мультике, по законам жанра над нашими головами сейчас бы зажглись лампочки, точно крича: «Идея!»

Мы одновременно смотрим на телефон Мари, который все еще валяется на кровати, а затем в унисон выкрикиваем:

– Блогеры!

Глава 2

– Девочки, хоть бы на улицу сходили, – вздыхает мама и ставит на стол перед компьютером две тарелки с кусочками шоколадного торта. – Такая погода хорошая! Лето! А вы в телефоны уткнулись!

– Спасибо, мам!

– Спасибо, тетя Лен!

Мама тяжело вздыхает и, качая головой, выходит из комнаты, которая за последнюю пару часов превратилась в шпионскую базу. Мы с Мари создали аккаунты в нескольких соц-сетях и теперь без разбору подписываемся на всех, кого удастся найти по окологнижным хэштегам.

Потом вбиваем в поиск имена блогеров, которых находим под отзывами на разворотах обложек. Цифры подписчиков возле ников заставляют глаза расширяться от удивления, а червячка сомнений в моем сознании жалобно пищать: «Они слишком популярны. До начинающего безызвестного автора им не будет дела!»

В один из таких моментов мой палец зависает над кнопкой «подписаться». Я медлю, все еще не до конца понимая, во что должна ввязаться ради продвижения. Где взять деньги на книги, которые надо высылать блогерам? Как найти смелость написать незнакомому человеку, чтобы предложить прочесть – о, боги – свою книгу?

А вдруг я недостаточно хороша для этих людей, которые прочитали книг больше, чем я держала в руках за всю жизнь? Вдруг моя история вторична и предсказуема?

– Чего зависла? – Мари вместо меня нажимает на нужную кнопку, делая меня одной из тысяч подписчиц какой-то девушки.

С аватарки улыбается шатенка со стопкой книг на голове. Она кажется дружелюбной, но от мысли, что совсем скоро мне придется ей написать, по коже ползут мурашки.

– Мари. – Сглотнув неприятный ком в горле, я поворачиваюсь к подруге. – Ты ведь читала «Магический дебют»?

Она морщится, абсолютно не переваривая выбранное мной название. Еще чуть-чуть, и из ее ушей повалит пар от закипающего внутри негодования.

– Читала. Но это название... Кошмар, Гель. Пока не так поздно, одумайся, умоляю!

– Я не о названии сейчас...

Голос дрожит, ладони потеют.

Когда я рассылала книгу по издательствам, то хотела лишь быть услышанной. Мечтала, что читатели увидят в моей героине, Александре, себя, найдут меж страниц ответы на терзающие вопросы и станут смелее сражаться за избранный путь.

«Магический дебют» – не просто фэнтези с наивной любовной линией. Это история о борьбе за мечту. В каком-то смысле... это огромная метафора моей маленькой, но важ-

ной писательской жизни, в которой есть все: взлеты и падения, разочарования и надежда, попытки стать лучше самой себя и пробить путь в светлое будущее. И когда я узнала, что мой роман издадут в бумаге, то, как и моя Александра, поверила – мне все по силам!

Но время эйфории, когда я только получила положительный ответ от издательства, прошло. Теперь же чувствую себя так, будто взвалила на плечи неподъемный мешок с бетонными плитами.

Как читатели смогут вдохновиться историей Александры, если «Дебют» затеряется среди сотен новинок? Вскоре после выхода он и вовсе потонет в тоннах другой литературы.

Даже если история безумно хороша, она с легкостью канет в Лету, если о ней не будут говорить.

– Гель? Ты чего?

Мотаю головой, совершенно не представляя, как пояснить подруге свои чувства. Свое внезапно нахлынувшее разочарование.

Со стороны я, наверное, выгляжу совсем странно. Не каждому выпадает шанс в восемнадцать лет издать книгу, а я, вместо того чтобы радоваться, закапываюсь в уныние.

Но у меня есть причины.

– Просто вдруг поняла, что текст без рекламы почти ничего не весит. Когда тебя с порога в лоб спрашивают, какой танец с бубном будешь танцевать вокруг рукописи, – это не очень хороший знак.

Мари задумчиво пожимает плечами:

– А на что ты рассчитывала? Мама всегда говорит, что реклама – двигатель торговли.

– Книги – это искусство, а не торговля.

– Книги – может быть. Но книгоиздание – это совсем другое.

Гляжу на кусочек торта, который ждет на столике, но от мысли о сладости десерта накатывает тошнота. Хотя это скорее из-за тревоги.

– Книгоиздание – это бизнес, – продолжает Мари, ничуть не замечая, что ее слова – как гвозди в крышку гроба моего спокойствия. – Судя по тому, что тебе написала редактор, от автора ждут умения не только писать, но и продвигать свою книгу. Никто не говорит, что в «Знаке» нет своих менеджеров и пиар-отдела, но ты тоже должна приложить усилия. Возможно, доказать, что заслуживаешь помощи в продвижении от издательства.

– Класс, – невесело ухмыляюсь я. – Может, мне тогда лучше сразу отказаться от всего этого?

Мари выключает телефон и пересаживается с кровати за стол, вынуждая смотреть не на торт, а ей в глаза.

– Эй, Гель? Ты чего приуныла? Мы же столько всего уже сделали! Столько блогеров нашли! Сейчас выберем тех, кому твой роман наверняка понравится. И...

– А тебе? – перебиваю я. – Тебе «Магический дебют» понравился?

Мари сдувает с лица темную прядку, выбившуюся из челки, и наклоняется над столом, будто готовясь боднуть меня прямо в лоб.

– В твоём «Дебюте» мне нравится абсолютно все! – Она ударяет ладонями по столу, точно адвокат, который слишком яростно борется за правду. Затем её пыл немного утихает, и Мари уже тише произносит: – Все. Кроме идиотского названия!

Мой внезапный смех удивляет даже меня. Заливаюсь хохотом, а сама таю от внутреннего тепла. Я знаю Мари с начальной школы, а потому уверена – подруга не стала бы врать. И плевать, что искушённым читателем Зябликову не назовёшь. Её любовь и вера – топливо сами по себе.

Но ни любовь, ни вера не обратятся в круглую сумму на моей карточке. А без неё, увы, даже представить не могу, как буду продвигаться. Реклама – всегда дорогое удовольствие. И вряд ли в книжном бизнесе это иначе.

Просить деньги у родных – не вариант. Мама – медсестра, а папа – завхоз в музыкальной школе. Их заработка нашей семье на жизнь хватает, но у меня никогда не было дорогой одежды или телефонов последних моделей, а у Паши – новомодных игрушек. Все яркие штучки в моей комнате – подарки от Мари: колонки, неоновый светильник, лава-лампа... Сама бы я себе такое не смогла купить. А в этом году ещё и Пашка в школу идет, а я – в универ.

Не до продвижения.

Но выливать все это на Мари не хочется. Она так старается взбодрить и поддержать меня, что продолжать кукситься – просто жестоко.

– Ну, что там по блогерам? – Я натягиваю улыбку, и глаза Мари загораются счастливым блеском.

Мы повышаем ставки и начинаем переходить на отмеченные аккаунты и отслеживать, откуда сделаны репосты. Так в наши сети попадает еще больше блогеров.

– Мало того что дома тухнете, так еще и торт не едите! – всплескивает руками мама, когда без стука заходит в комнату. – Даже чай уже остыл!

Она неодобрительно качает головой, глядя, как мы с Мари бок о бок валяемся на моей кровати, обе с телефонами в руках. Даже понимаю негодование родительницы: Мари так красиво нарядилась, накрасилась... И вся эта прелесть пропадает в четырех стенах.

– Вот провороните сейчас торт, его ж Пашка съест! – причитает мама. И будто в подтверждение ее словам из-за приоткрытой двери выглядывает младший брат.

Рот перемазан шоколадом, но в глазах – голодный блеск.

– Кыш, – произношу одними губами, и мелкий обиженно показывает язык.

– Сходили бы куда-нибудь, отметили хорошие новости! Вот я в ваши годы на месте никогда не сидела, – вздыхает мама.

– А мы тоже своего рода путешественники, – хитро улы-

бается Мари, подписываясь на очередного книголюба. – Гуляем по аккаунтам...

Подруга светится довольством, пока я тихо радуюсь, что мама ее шутки не услышала. Не хочу, чтобы начались распросы, а новость об издании и для родных превратилась в дорогостоящую проблему. Денег выпрашивать не собираюсь. Разберусь сама как-нибудь, куда деваться?

Еще немного поворчав и подлив в остывший чай кипятка, мама уходит. Вскоре наше с Мари занятие превращается в монотонную работу. Список подписок растет, а во мне зарождается слабая надежда. Может, все не так уж и плохо? Выберу несколько человек, напишу им скрепя сердце, вышлю книги. Ничего такого, верно?

Но вдруг Мари шумно охает, заставляя меня вздрогнуть. – Что там? – Я пытаюсь заглянуть в ее экран, но подруга прижимает смартфон к груди и какое-то время просто молчит. Она будто пытается сложить в голове пазл, прежде чем поделиться со мной новостью:

– Там либо величайшее в мире совпадение, либо где-то во вселенной существует еще один точно такой же двор.

– Какой двор?

Мари в упор смотрит на меня.

– Твой, Геля, – говорит она, а потом показывает мне экран.

В очередном блоге – новый пост с фоткой книги на фоне окна. Ничего такого. Подобных фотографий мы сегодня

видели столько, что кажется, будто их поставили на повтор. Но несколько деталей бросаются в глаза и заставляют сердце забиться чаще, разгоняя закипающую кровь по онемевшему телу.

Из окна виден летний дворик с детской площадкой и лавочками вокруг нее. И я точно знаю, что это не «какой-то дворик», а именно мой.

Окна и балкон моей комнаты выходят на эту площадку, я знаю ее с детства. Ни с чем не спутаю старый бревенчатый домик с резным петушком на крыше, соседствующий с новой песочницей.

Теремок, который поставили здесь еще во времена молодости моих родителей, хотели снести, когда обновляли площадку, но весь дом оказался против. Теперь чуть обветшалый, но сказочный терем соседствует с ярким козырьком песочницы. И это – будто воплощенное столкновение времен.

Знаю, что другая такая же площадка вряд ли может существовать, но все равно вглядываюсь в каждый пиксель кадра. Увеличиваю картинку, чтобы разглядеть лавочки и надписи на их спинках. Нет, тут точно без вариантов!

– Как такое возможно? – Я сажусь на кровати и обнимаю подушку, чтобы отгородиться от странной новости и безумного совпадения. – Еще скажи, что это *он*... Я тогда... Тогда я...

– Это он, – без тени веселья выдыхает Мари и снова показывает мне экран с шапкой профиля. – Богдан.

Жмурюсь. Не хочу смотреть! Не могу!

...Но интерес побеждает, и вот я уже читаю имя, которое два года назад зареклась выкинуть из своей жизни, и смотрю фотографии парня, с которым раньше мы были неразлейвода.

– Отпишись от него! – умоляю я. Сердце бешено стучит о ребра и ускоряется все сильнее, когда не вижу поддержки подруги.

Она не спешит кидать Богдана в черный список или хотя бы отписываться от него. Листает фотки, изучает посты, даже не замечая, как меня начинает потряхивать.

– Ну, это сто процентов он, – выносит свой вердикт Мари, а я всплескиваю руками.

– Да ладно? А то я не заметила! Говорю же, забудь об этой странице!

Мари меня будто не слышит и выглядит так, словно задумала что-то нехорошее. То, что будет сулить нам, по ее версии, успех. Но мое скромное мнение таково, что ничего, кроме новых проблем от Богдана, я не получу.

– Никогда не думала, что он пойдет в блогеры, – ухмыляется подруга, заставляя темное предчувствие внутри меня виться клубками.

– Пусть идет куда угодно, – ворчу я и поднимаюсь с кровати, – лишь бы без меня!

Мари с удивлением наблюдает, как я достаю из ее рюкзака начатое шампанское и смело отпиваю с горла. Но стоит

сделать даже несколько глотков, моментально жалею о своем дерзком поступке – в голову опять ударяет алкоголь, смешанный с досадой и осколками старой боли.

– Гель, у него неплохая аудитория, – пытается оправдаться Мари. – Он как раз фэнтези читает в основном.

От ее тона становится тошно. Мари говорит со мной как с ребенком, которого уламывают съесть на завтрак кашу, а не гору мармеладок. Будто я чего-то не понимаю! Будто не знаю, что для меня, для книги лучше!

Может, я ничего не понимаю в рекламе и далека от книжного бизнеса, который плотно завязан на блогерах. Зато я знаю Богдана.

Открываю дверь и выхожу на незастекленный балкон. От прилива свежего воздуха голова кружится чуть меньше. Хватаюсь за перила и вглядываюсь в закатное небо, нависшее над серыми панельками и кронами высоких тополей.

Смотрю на медленно ползущие розовые облака и часто моргаю, пытаясь отогнать воспоминания о Богдане. Уже два года прошло, но мне до сих пор больно...

– Может, это ваш шанс помириться? – Мари встает рядом со мной. Не слишком близко, но я все равно ощущаю запах ее пудровых духов.

Мы обе опираемся локтями на перила балкона. Мои ладони сцеплены в жесткий замок, а пальцы Мари теребят длинную темную прядь, соскользнувшую из-за плеча.

– Марин, он меня кинул, – произношу я без эмоций. Я

давно смирилась.

Мы молчим. С высоты пятого этажа смотрим, как на детской площадке играет ребятня. Когда-то в том самом деревянном теремке мы познакомились с Богданом. Помню, как мы обрадовались, узнав, что живем в соседних подъездах. Можно ведь гулять хоть каждый день и играть до самого вечера!

Детьми общаться друг с другом было куда легче...

– Может, пора помириться? – Подруга придвигается ко мне всего на один крошечный шаг и с улыбкой заглядывает в глаза. – Это ведь так давно было!

– Предлагаешь помириться с Богданом только из-за того, что он ведет блог? – фыркаю я и качаю головой. – Как мелко.

– Смотри шире! – Мари делает еще шаг и кладет ладонь на мое опущенное плечо. Она чуть наклоняется, и теперь у меня нет шансов спрятать взгляд. – Вдруг это судьба? Ты почти издающийся автор. Он блогер, который может помочь тебе с книгой. Таких совпадений не бывает! Это знак!

– Знак – это вон, – указываю на металлический восьмиугольник, алеющий у въезда во двор. – Если следовать твоей логике, он мне красноречиво намекает, что искать помощи Богдана бессмысленно.

– По-моему, все наоборот. С твоей стороны заручиться поддержкой Богдана будет вполне себе...

– Тупо, – завершаю я за подругу и поворачиваюсь к ней

всем корпусом. – Он уже подставил меня однажды. Зачем нарываться на новые проблемы?

– Но ты даже не пыталась с ним помириться!

– Я?! – Вспыхиваю, будто букет из бенгальских огней. – Почему я должна делать первый шаг? Он все испортил и даже не пытался что-то исправить!

Мари задумчиво прикусывает губу и отводит взгляд. Но я не останавливаюсь. Эта тема содрала с уже зажившей раны корочку, и та вновь начала кровоточить.

– Мари, у него нет оправданий. Если бы Богдан хотел, он бы мог прийти и извиниться, поговорить. Понимаешь, он не просто знает, где я живу, он мой сосед! – Последние слова я выдыхаю, словно факир – пламя. Правда жжет язык, от нее щиплет глаза.

Ух, а я-то думала, что прожила ситуацию и отпустила ее! Но, оказывается, заноза, оставленная Богданом в сердце, за эту пару лет не растворилась, а обросла гноем.

– Гель, может, он думает, что ты рассказала все родителям? Боится, что они его на порог не пустят?

Горько ухмыляюсь и едва сдерживаюсь, чтобы не засмеяться в голос. Мари умеет включать наивность, когда ей или ее жажде приключений это становится выгодно.

– Ничего я никому, кроме тебя и бабушки, не рассказывала, – выдыхаю я уже тише. Самые злые и болезненные слова сказаны. Дальше будет легче. – Мои родители вообще в нем души не чают. Здравуются, если случайно встречаются на

улице, в гости к нам зовут, представляешь? Они думают, что мы перестали общаться, потому что повзрослели и потеряли интерес друг к другу.

– Но ты бы хотела с ним помириться?

Задумываюсь всего на секунду, а затем уверенно качаю головой.

– Ошибаться нестрашно. Страшно не пытаться исправить то, что случайно сломал. Мне не нужны друзья, которые этого не понимают.

Мари понуро кивает и обнимает меня, по-дружески поглаживая по опущенным плечам. В момент, когда кажется, что она сейчас отпустит меня, подруга вдруг поворачивает голову, и уха касается ее легкое дыхание:

– Что для тебя важнее? Гордость и принципы или удачный литературный дебют?

Внезапный вопрос вытряхивает из головы все мысли. Они разлетаются как пылинки, подхваченные ветром. Мы стоим с Мари так близко, что я знаю – она слышит безумную четкость, которую отплясывает мое сердце.

– Вот и отлично. – Губы подруги складываются в хитрую улыбку. – Я услышала твой ответ.

Все еще обнимая меня, она вытягивает из заднего кармана шорт мой телефон. Я не успеваю понять, что происходит, а Мари уже прицеливается для броска.

– Нет! – Я подпрыгиваю, чтобы выхватить телефон, но Мари с легкостью опытной баскетболистки обходит мою

неумелую защиту.

Смартфон летит точно в цель – влево и вниз, на балкон на четвертом этаже. Несмотря на то, что день только начинает затухать, в окнах комнаты Богдана уже горит свет.

– Теперь других вариантов нет, – победно лыбится Мари, пока я борюсь с желанием швырнуть ее вслед за телефоном. – Тебе придется поговорить с ним. Если, конечно, хочешь вернуть телефон...

А он ведь и правда там. Лежит рядом с передним колесом велосипеда бывшего друга. Смотрю на него, едва не свесившись за перила, и чуть не вою от досады.

– Идиотский план, – цежу я сквозь зубы и резко поворачиваюсь к Мари. – А если бы ты промахнулась?

– Такое хоть раз на матчах было? Я ни разу мимо корзины мяч не кидала, а тут всего лишь телефон!

– Всего лишь, – передразниваю ее, тяжелым шагом врываюсь в комнату.

Воздух здесь кажется удушливым и спертый. Может, всему виной моя взвинченность?

Меряю комнату кругами, нервно массируя виски, пока Мари что-то колдует у компьютера. Даже не спрашиваю, чем она занята. И так уже дров наломала!

– А если он разбился? – не выдерживаю я. – У меня нет денег на новый телефон.

– Я отдам тебе свой, – без промедления и сомнений выдает Мари.

Я даже останавливаюсь от удивления и во все глаза смотрю на подругу. Она это серьезно? Поменять свой дорогой телефон, которому и года нет, на сломанную развалюху, которая едва картинки на разбитом экране прогружает?

– Что? – разводит та руками. – Это честная сделка. Так что пошли скорее к Богдану, пока я не передумала.

– Ты невыносима, – бурчу я и почти бегом бросаюсь в коридор.

– Я тебя тоже люблю, – слышится из-за спины голос Мари, и я больше не могу сдерживать улыбку.

Глава 3

– Готова?

– Конечно, нет! – шиплю я, но метаться уже поздно.

Мари нажимает на звонок, а я одновременно с этим закрываю глаза и делаю глубокий вдох. Пытаюсь успокоиться, чтобы сердце забилося ровнее, а ужасный румянец схлынул с лица, но все без толку. Нервы гудят как провода, по которым пустили ток, и меня мелко потряхивает от напряжения.

В последний раз я стояла перед этой дверью пару лет назад и испытывала совсем иные чувства...

Мари берет меня под руку, когда из-за двери слышатся приближающиеся шаги. Шумно выдыхаю и использую последние секунды форы, чтобы хотя бы попытаться изобразить спокойствие и вежливую улыбку.

– Все будет хорошо, – шепчет Мари, и в нос отчетливо ударяет слабый запах сладкого шампанского.

Дверь распахивается. Мое сердце уходит в пятки, но поддельная улыбка крепко пристает к губам, будто ее высекли ножом на застывающей глине.

– Ангелина! Как давно ты к нам не заходила, дорогая!

На несколько секунд, которые провожу в аккуратных объятиях тети Светы, мамы Богдана, улыбка становится искренней. Сердце чуть сбавляет сумасшедший ритм, и я приобнимаю Светлану Анатольевну в ответ.

– Здравствуйте! – произносим мы с Мари в один голос. Мой слегка дрожит, но Мари говорит, как и всегда, звонко и четко. Она-то привыкла участвовать в авантюрах.

– Марина, привет, – переводя взгляд на подругу, улыбается тетя Света. Она стягивает с плеча кухонное полотенце и кивком приглашает нас пройти. – Вы к Богдану?

Мы с Мари даже не переглядываемся и в унисон выдаем:

– Он дома?

– В своей комнате, – кивает хозяйка, а спустя секунду ее улыбка вмиг слетает с губ. Женщина настороженно прищуривается и совсем тихо спрашивает: – Он что-то натворил? Вы просто так давно не были у нас, а тут...

– Д-дела были, – с наигранной грустью трагично вздыхаю я.

Мари поддерживает легенду, бодро кивая:

– Экзамены, выпускной, поступление...

– Ах, ну да, – понятливо кивает тетя Света, и мне вдруг становится очень совестно.

Богдан поступил как козел, но его мама всегда относилась и ко мне, и к Мари, которая в средней школе тоже начала общаться с Богданом, с теплом и добротой. Страшно представить, сколько мы выпили чая и съели пирожков за столом Герасимовых за все время, что дружили с Богданом.

– Останетесь на ужин?

С кухни заманчиво пахнет жареной курицей, но задерживаться в этой квартире нет ни желания, ни смелости. Каждая

секунда здесь ощущается иначе: будто я нырнула в старую жизнь как в смолу. Здесь все пропитано прошлым, ведь за два года в доме Герасимовых почти ничего не изменилось. Те же бежевые обои, мебель из светлого дерева, мягкий ковер в коридоре, на котором так и хочется поваляться...

– Мы торопимся, – с притворной досадой выдыхает Мари, как бы невзначай почесав висок, до которого почти дотягиваются яркие стрелки.

Тетя Света будто только сейчас замечает броский макияж подруги, и мне кажется, что в ее светлых глазах всего на миг проскальзывает сожаление.

– Тогда идите к Богдану. Он у себя.

Квартира Герасимовых по планировке точно такая же, как и наша, но только зеркально отраженная. Комната Богдана имеет такое же расположение, как и моя. Раньше я часто бывала у него в гостях, и сейчас ноги несут в комнату бывшего друга почти по инерции.

Мне будто снова пятнадцать или шестнадцать, и я впервые влюблена...

Мягкое касание Мари возвращает в реальность. Подруга ободряюще сжимает мою руку, когда мы доходим до двери, со стороны коридора обклеенной яркими постерами. Ничего не изменилось с тех времен. Даже красный круг с кричащим «STOP» на месте.

– Приступаем к начальному этапу? – спрашивает Мари и толкает дверь быстрее, чем я успеваю воскликнуть: «В смыс-

ле к *начальному*?»

Первое, что я замечаю, – это стеллажи, которых раньше в комнате не было. Не могу даже сосчитать, сколько их, потому что полочки, битком заставленные книгами, занимают почти всю стену. Пестрые корешки притягивают взор, а потому я не сразу замечаю самого хозяина библиотеки.

Богдан поворачивается на компьютерном стуле. Едва увидев нас, он сначала удивленно открывает рот и распахивает серые глаза, но быстро берет себя в руки. Натягивает маску невозмутимого спокойствия, которую еще с того дня двухлетней давности терпеть не могу, и с холодной вежливостью спрашивает:

– Геля? Марина? Что вы тут делаете?

Все это время, что мы не общались, с Богданом я почти не пересекалась. Изредка видела его во дворе, стискивала зубы, отводила взгляд и проходила мимо. Мы не то что не разговаривали. Даже не здоровались.

Однако в редкие бессонные ночи, когда в тысячный раз думать о рукописи уже не было сил, я представляла, что случится, если мы с Богданом будем вынуждены заговорить. В моем воображении он распылялся, извиняясь, а я – Снежная Королева – даже бровью не вела. Но то лишь высокомерные мечты.

На самом деле мне всегда казалось, что куда правдивее будет представлять, что я злюсь, повышаю голос и пытаюсь перебить пустые и уже ненужные извинения Богдана.

Выходит, что и такой вариант был лишь плодом бурной фантазии. Ведь на деле мне вдруг становится ужасно некомфортно.

Голос Богдана воскрешает в памяти слова, сказанные им в тот злосчастный летний вечер. Слова, которые разбили не только мое сердце, но и раскрошили в пыль годы дружбы.

«Она мне никто».

Воспоминания встают поперек горла горьким комом, который постепенно опускается под ребра, разрастаясь до огромного металлического шара. Он давит на легкие, мешает дышать, даже сердце сжимает внутренней болью.

Не могу сказать ни слова, хотя Богдан смотрит прямо на меня. Он поднимается с кресла и, так и не дождавшись от нас ответа, шагает в центр комнаты.

Зря мы пришли. Я раскисла перед лицом прошлого и даже слова выдавить не могу. А Мари хочет, чтобы мы союзниками стали? С ним?!

Всматриваюсь в сухой гранит глаз Богдана. Нет в его взгляде ни бывшего тепла, ни тени вины. Только суровый холод осеннего неба.

– И тебе привет! Офигеть у тебя тут перестановка! – звонко произносит Мари и показательно осматривает комнату. Будто случайно, она задевает меня плечом, и я понимаю намерения.

Хватит пялиться на Богдана! Нужно подыгрывать.

– Здоров. – Я приветственно вскидываю ладонь и на

несколько шагов продвигаюсь к балкону. — Мы тут по делу.

Мари мне намек дала. Пусть и мой поймет! Пора свершить задуманное и сваливать. Тем более ловить здесь нечего. Ждать помощи от глыбы льда, в которую Богдан превратился, бессмысленно.

— Что за дело? — хмурит светлые брови он и настороженно косится то на меня, то на Мари.

Подругу общее напряжение нисколько не касается. Она без стеснения изучает книжные полки, переключает режим кольцевой лампы... Будто находится в гостях у хорошего друга. Мне бы ее беззаботность!

Богдан выразительно кашляет и скрещивает руки на груди. От этого меня почему-то прошивает искрой злости. Мало того что тогда это *он* все испортил, так еще и сейчас ведет себя как последний...

— Эй, Богдан, ты чего такой бука? — Обворожительная улыбка Мари — как козырь в рукаве. Однако на Герасимове он не срабатывает. Богдан все еще кукуется так, будто выпил ведро лимонного сока. — Расслабься! Деньги просить не будем.

— К тому же вряд ли с такой библиотекой они у тебя остались, — роняю я тихо, но и Мари, и Богдан меня слышат.

Подруга коротко прыскает, а Богдан недовольно щелкает языком. М-да, разговор с ним совсем не клеится.

— Ближе к делу. Не хочу, чтобы у мамы вопросы возникли.

— Она нас на ужин пригласила, все нормально, — блеснув

наманикюренными ноготками, отмахивается Мари.

И без того бледный Богдан белеет еще сильнее. Мне даже жаль его становится. Неужели переживает, что буду жаловаться тете Свете на старые обиды?

– Не волнуйся, мы опаздываем, – успокаивает Мари и легкой походкой направляется к балкону. – Мы просто пришли кое-что забрать.

Богдан было кидается за ней, но Мари исчезает за шторкой и выходит на балкон, а Герасимов замирает напротив меня. Смотрит так, будто я нерушимая стена, которую невозможно ни обойти, ни покорить. Даже смешно, как он меня сторонится и боится!

Растерянно запрокинув светлую прядь за ухо, коротко смотрю на уронившего взор Богдана и раздраженно отворачиваюсь.

Слабак.

– Нашла! – радостно провозглашает Мари и заносит мой телефон в комнату, подняв его над головой, точно Рафики – Симбу. Только торжественной музыки не хватает.

– Это что? Телефон? – Брови Богдана ползут на лоб. – Как он там оказался?

– Упал. – Я пожимаю плечами.

– Случайно, – подхватывает Мари, а затем берет меня под руку и незаметно тянет к выходу.

Меня окутывает чувство облегчения напололам с недоумением. И все? Уже уходим? А как же план? Попытки пере-

манить на нашу сторону перспективного книжного блогера?

Но хватка Мари становится жестче, и я понимаю – медлить нельзя.

– Не разбился?! – выпаливаю я удивленно, когда смартфон возвращается в родные руки. Все работает, и даже трещинок новых не прибавилось.

– Ага, прикинь? Но проверить получше все равно надо. Пойдем, я знаю одну программу...

– Эй! – кричит нам вслед Богдан, когда мы уже подходим к входной двери. – Вы уже уходите?

– Не благодари! – машет на прощание Мари.

С кухни доносится шум телевизора и включенной воды. Значит, мама Богдана этого точно не услышала.

Дверь за нашими спинами со щелчком захлопывается, и мы бегом пускаемся по лестнице. Мне хочется одновременно смеяться и орать в голос от нашей выходки и злости на Богдана.

Перескакиваем через ступеньки и быстро оказываемся на первом этаже, а затем ракетами вылетаем во двор. Не спешим возвращаться ко мне домой, а занимаем лавочку у подъезда, чтобы отдышаться.

– Зря стаскались. – Я качаю головой, глядя на запыхавшуюся и порозовевшую Мари. – Говорить с ним не о чем. И просить – тоже.

– О, Геля, – почти злодейски тянет подруга, – ты же писатель! Должна быть умнее, изобретательнее! Нельзя Богдану

просто в лоб говорить!

– Ты ведь не только телефон забрать успела, да? – догадываюсь я, а в груди становится так жарко, будто под ребрами сейчас взорвется вулкан.

Губ Мари касается та самая улыбка, которую невозможно подделать. В ней искрят триумф и предвкушение.

– Какая досада, – без толики сожаления вздыхает подруга, – кажется, мы забыли у Богдана флешку с твоей рукописью!

Глава 4

В моей жизни наступает тактическое затишье. Именно так Мари назвала этап нашего плана, по которому необходимо дать Богдану время найти флешку, прочитать мою рукопись и свыкнуться с мыслью, что его бывшая подруга – молодой писатель. А дальше, если верить подруге, все пойдет как по маслу. Нужно только дожидаться, когда Богдан сам приползет ко мне с извинениями и предложением помочь.

Мари в своей стратегии уверена на все сто. А вот я особых надежд с таким планом не питаю... Что странно, если вспомнить, кто из нас пишет романтические сказки.

Но в чудо слабо верится даже тогда, когда на почте замечаю новое письмо от издательства. Около недели назад я ответила редактору, что планирую рассылать книгу блогерам для рекламы, и «Знаку» такое решение понравилось. Они составили договор, а теперь мне осталось лишь поставить свою подпись в нескольких местах.

Распечатываю бумаги и зачарованно смотрю на свое имя, рядом с которым в скобочках – псевдоним. Лина Ринг. Новое имя – новая жизнь.

Прикусываю губу и взглядом вливаюсь в короткое и звучное сочетание букв. Неужели это имя совсем скоро будет смотреть на читателей с обложек книг?

Беспокойство не дает усидеть на месте. Откладываю

неподписанные бумаги и беру с полочки фотоальбом, старенький и потрепанный. Некоторые странички настолько часто перелистывали, что они едва держатся.

Мы давно не распечатываем фотографии и не заводим новых альбомов. Но каждый раз, когда беру в руки этот, будто возвращаюсь в беззаботное и светлое детство. Ведь кое-кто очень важный для меня отныне живет лишь в этих старых фотографиях.

Бабушка была для меня самым близким человеком. Она присматривала за мной, пока родители пропадали на работе. Всегда была на моей стороне, даже если я знала, что в чем-то провинилась. Она никогда не повышала голос. Даже когда я в детстве случайно перевернула аквариум, убив десятки рыбок и испортив ковер, бабушка лишь вздохнула: «Ой-ой-ой. Неси ведро и тряпки. Будем убирать».

Я до сих пор не знаю человека, который был бы добрее, чем она. Никого, на кого хотелось бы равняться так же, как на нее. Порой мне казалось, что бабушка не способна испытывать ни гнев, ни злость. Она просто не знает, каково это, — светлый человек, чье тепло заразительно.

Бабушка сочиняла для меня сказки, которые часто рассказывала на ночь. Главную героиню, сбежавшую принцессу, звали Александра. Она выросла вместе со мной, и ее проблемы тоже менялись. Каждый раз, когда мне нужен был совет, бабушка превращала мою жизнь в новое путешествие Александры.

Сказки никогда не давали четкого ответа, но они говорили со мной, а я всегда слушала.

Последней сказкой, которую бабушка успела рассказать, была история о бале, на который юную Александру позвал принц Борислав. Принц опозорил Александру, высмеяв ее чувства перед подданными нескольких королевств. Александра, гонимая стыдом, сбежала и заблудилась в лесу. Там ее нашел таинственный незнакомец, который оказался колдуном. Он предложил проводить Александру обратно во дворец или к Бориславу, но принцесса не хотела жить так, как раньше. Она мечтала стать сильнее, чтобы вернуть уважение королевств и стать независимой от Борислава. Тогда колдун отвел Александру в школу магии.

Что было дальше, от бабушки я так и не узнала. Уехала в деревню вместе с Мари, а когда вернулась, бабушки уже не стало. Ее сердце сдалось в возрасте восьмидесяти двух лет.

Сначала я ненавидела родителей за то, что они не позволили, не сказали, что случилось. Я бы вернулась в город, я бы простилась с ней у гроба, бросила горстку земли в могилу... Но уже потом, стоя напротив могильного камня, с которого мне улыбалась живая и здоровая, моя любимая бабушка, поняла – так будет лучше.

Так я буду помнить ее живой и улыбчивой, с добрыми сияющими глазами, внутри которых живет само солнце. Так в моей памяти она навсегда останется живой.

А я сделаю все, чтобы жили и ее истории.

– Ее издадут, представляешь? – Проведя подушечкой большого пальца по краю фотографии, где бабушка держит меня, еще малышку, на руках, я сквозь слезы улыбаюсь. – Нашу историю об Александре напечатают на бумаге!

Фотография не отвечает. Бабушка улыбается все так же искренне, так же счастливо.

Глотаю рыдания и вскидываю голову, чтобы сдержать слезы. Но они все равно катятся по щекам и шее, и я хнычу, поддавшись жалости к себе.

Эта книга – единственное, что не дало мне задохнуться от тоски, когда бабушки не стало. Когда я писала, когда вспоминала все наши посиделки, в которые вместе вели Александру сквозь приключения, мне казалось, что бабушка еще жива.

Она живет в моей рукописи. Она – приоткрытая дверь, сквозь которую до сих пор я могу общаться с бабулей, просить совета и каждый раз находить его в своих же строках.

Наших строках.

И как я могла даже думать о том, чтобы отказаться от издания? Как могла напугаться всего одного слова – «продвижение»?

Творчество для меня – больше, чем просто хобби. Издание – не способ потешить самолюбие, не игра в популярность.

Это память и мое «спасибо», которое так и не успела сказать.

Утерев слезы, кладу альбом на место. Ставлю свои подписи в договорах, даже не обратив внимания, что название в бумагах значится то же – «Магический дебют». Я совсем забыла придумать новое, а теперь слишком взбудоражена, слишком воодушевлена, чтобы что-то менять.

Делаю сканы бумаг и сразу же отправляю редактору. Оригиналы закидываю в рюкзак, быстро натягиваю легкое летнее платье и тороплюсь на почту.

Теперь все точно по-настоящему. И я больше не испугаюсь. Не отступлю.

* * *

– Ты молодец. – Мари встречает меня, почти с разбегу заключая в объятия. – И правильно! Подписанный договор точно нужно отметить!

– Тебе лишь бы повод найти. – Я корчу рожицу и показываю подруге язык.

– Неправда. Мне и искать не нужно. Каждый новый день – уже повод для радости и праздника!

Она берет меня под руку, и мы, шагая в ногу, направляемся вдоль проспекта. Солнце уже клонит к горизонту, у входов в кафешки и магазины загораются уютные огоньки гирлянд. Возле ресторанчиков из колонок льется музыка. Люди, сидя за столиками, тихо переговариваются, улыбаются, смеются...

Разгар лета. И мое сердце полнится надеждой – впереди столько возможностей! Постараюсь каждую поймать за хвост!

– Китайская кухня или сладости? – спрашивает Мари, когда мы останавливаемся между двумя соседствующими заведениями. – Ты у нас виновница торжества, тебе и выбирать.

В ресторане азиатской кухни окна от пола до потолка, а за ними – матовая темнота. Ничего не видно, кроме нашего с Мари отражения. Она в обтягивающем розовом платье со шнуровкой на бедрах, я – в воздушном нежно-голубом, с рукавами-фонариками. И наши копии в этом зеркальном окне выглядят как-то одиноко и печально.

Зато у кофейни жизнь бьет ключом! Сквозь подсвеченные гирляндой окна виднеются нарисованные на меловой доске сладости и выведенное от руки меню, витрины с пирожными и столики, на каждом из которых – вазочка с декоративными цветами из дерева. Внутри немногочленно, уютно, и многие столики как раз свободны.

– Сладости! – Я хватаю подругу за руку и тяну в сторону «Чао-какао».

– Не слишком дорого и вкусно. Хороший выбор!

Запах кофе и горячего шоколада окутывает, как мягкий плед. Вдыхаю полной грудью, а глаза уже разбегаются. Витрины подсвечены так, что каждый кусочек торта кажется произведением искусства.

– Ты уже была здесь? – Я смотрю на аппетитный медовик,

едва сдерживаясь, чтобы не облизнуть губы. Ну уж нет! Я так старалась, чтобы красиво накраситься сегодня!

– Пару раз, – нехотя признается Мари, и по ее интонации понимаю, что правда звучит как «пару *десятков* раз».

– Что посоветуешь?

– Сложный вопрос. – Мари с видом знатока постукивает пальчиком по острому подбородку и задумчиво проходит вдоль витрины.

Время подумать о том, что заказать, еще есть. Парень на кассе обслуживает большую компанию. Помощника ему явно не хватает. И это я не из-за вывески «требуется продавец» решила.

– У них все вкусное. Даже не знаю, что самой взять. Наверное, тирамису...

Пока Мари вслух перечисляет, что из меню она успела попробовать, мой взгляд упорно возвращается к одному десерту. Белый и темный бисквиты чередуются между собой и пропитаны кремом из сливок и молочного шоколада. Сверху кусочек торта полит соленой карамелью и украшен грецким орехом.

В животе ворочается голод, а из кошелька выглядывает жадная жаба, готовая удушить за последнюю копейку. Слишком дорого!

Мари о чем-то лепечет, даже не замечая, каким грустным стал мой взгляд. Затем касается моего плеча и тихонько говорит:

– Я отойду в уборную, ладно? Ты пока выбирай.

– Угу...

– Побалуй себя! Ты так редко это делаешь! А повод...

– Да, помню. Повод есть. – Я вспоминаю про отправленные в издательство подписанные договоры, но Мари качает головой и заговорщически улыбается:

– И не один. Есть еще победа, агент Ринг! Расскажу, как сядем за столик. Займешь?

Она уходит, а я остаюсь один на один с тортом, который выбрала не кошельком, но сердцем. Черт. Может, и правда нестрашно, если один раз потрачусь?

– Добрый вечер! Что-нибудь подсказать?

Поднимаю голову и сталкиваюсь взглядом с парнем по ту сторону витрины. Его карие глаза глубоко посажены и имеют такой темный бархатный оттенок, что радужки почти сливаются со зрачками. Это так не похоже на мои светло-голубые глаза, которые я привыкла каждый день видеть в зеркале, что невольно заглядываюсь на бариста. Всего секунду медлю с ответом, но парень, кажется, считывает этот немой комплимент.

– Если вы еще не сделали выбор, могу подождать. – Он улыбается, в один миг становясь почти точной копией Дамиано Давида.

Его улыбка – искра, что коснулась во мне незримого фитиля. Огонек ползет быстрее, становится ярче, и мне почему-то совсем не хочется выглядеть перед этим бариста нере-

шительной дурочкой.

– Можно вот этот кусочек, пожалуйста. – Сквозь стекло витрины я указываю на дорогой торт в самом центре полочки.

Парень кивает и отворачивается за тарелкой. Я же едва не глохну от внутреннего вопля: «Дура! Купилась на обаяние и грамотную расстановку товара!»

И действительно... Стоит бариста забрать с витрины мой кусочек торта, на его место парень ставит другой, с кокосовой стружкой. И, блин, похоже, то место на полке заколдовано, иначе я не знаю, как пояснить, почему сладость, в сторону которой даже смотреть не хотела, теперь выглядит так аппетитно.

Парень вновь отвлекается, чтобы взять для меня столовые приборы. Я же наклоняюсь к витрине, едва не ударяясь носом о толстое стекло. Зато замечаю подвешенные внутри лампочки, чей свет, точно прожекторы, направлен в основном в центр. Там же разложены декоративные кофейные зерна и палочки корицы.

Порой фантик продает конфету лучше, чем ее вкус.

– Уже выбрали, какой кофе будете? – Бариста снова улыбается и делает это так заразительно, что уголки моих губ невольно приподнимаются.

Вместо ответа задумчиво смотрю на меловую доску с меню. Выбираю, что подешевле, потому что на тот же трюк, что и с тортом, больше не куплюсь. Все равно не особо разбира-

юсь в кофе, так что и латте вполне сойдет.

– Хороший выбор. Добавим сироп?

Его улыбка на фоне смуглой кожи – взбитые сливки в тирамису. Понимаю, что это дежурная вежливость, но пульс все равно учащается.

– Кокосовый можно?

– Разумеется.

Бариста подходит к кассе и вбивает мой заказ. Все это время стараюсь не глазеть на парня и не думать о том, что его темные волосы, чуть прикрывающие уши, похожи на волны во время надвигающегося шторма.

– Как вас зовут? – вдруг спрашивает он, и я даже оборачиваюсь. Вдруг бариста обращается не ко мне?

Но возле кассы больше никого. Его кофейный взгляд касается моего лица, а щек – жаркий румянец.

– Ангелина. – Я заправляю за ухо светлую прядь. – А вас?

Улыбка бариста вдруг становится шире, и я понимаю – вот теперь она настоящая.

– Филипп, – представляется он. Смотрит на меня из-под густых черных ресниц, чуть наклонив голову... а затем берет стаканчик для кофе и маркером начинает выводить мое имя.

Лучше бы под моими ногами прямо сейчас разверзлась бездна. Даже прыжок в лаву кажется лучшей участью, чем просто продолжать стоять перед Филиппом в напряженном молчании и думать о том, какая я глупая!

Это же кофейня. Здесь стаканчики гостей подписывают

их именами! А я уже надумала...

– Гель, – рядом возникает Мари, – я заняла сто... Капец. Ты чего такая красная?

Она ловко поворачивает меня к себе, будто я всего лишь манекен. Перед глазами успевают мелькнуть лицо Филиппа с плотно сжатыми от едва сдерживаемого смеха губами.

Ну, хотя бы рассмешила бариста. Можно поставить в ежедневнике звездочку за одно хорошее сделанное дело!

– Жарковато как-то. – Голос чуть дрожит от волнения и стыда, но Мари подвоха не замечает.

– Тогда не стой тут. Иди за столик, он как раз рядом с кондиционером.

Слежу за кивком подружки и замечаю небольшой круглый стол в самом углу кофейни. Сумка Мари стоит на одном плетеном стуле, а второй, обращенный лицом к залу, как раз ждет меня.

Почти бегом направляюсь туда. Едва сев, растекаюсь по стулу дрожащим от волнения желе. Хорошо, что кондиционер работает – остужает не только тело, но и мысли, в которых полный беспорядок из-за беснующегося стыда.

Из своего угла слежу за тем, как Филипп готовит мне кофе, а затем принимается за заказ Мари. Они о чем-то говорят, затем подружка берет свои лакомства, а Филипп – мой кофе и забытый на кассе торт. Оба направляются ко мне.

– Приятного аппетита. – Филипп ставит передо мной картонный стакан и десерт, а затем уходит.

Я еще несколько секунд смотрю в его удаляющуюся спину, но, когда Мари усаживается напротив, отдергиваю взгляд от Филиппа, как руку от раскаленной плиты.

– Короче. Новость! – без прелюдий начинает она. – Богдан начал читать твою книгу.

– Откуда знаешь?

– Я подписана на него, – говорит она гордо, будто это что-то невероятно сложное. – И сегодня он выложил пост о том, что читает одну *пока что* неизвестную книгу. Тут без вариантов, Гель. Он нашел флешку. Птичка в клетке.

Не верю, что все получилось так легко. Не мог глупый план пойти столь гладко! Да и стал бы Богдан вот так сразу писать в соцсети о «Магическом дебюте», даже не поговорив со мной? А где же все эти вопросы: «Что? Ты пишешь книги? Как давно? А почему я не знал?»

Я ждала этого момента нервно, но с предвкушением. Навивно полагала, что, может, хотя бы тогда мы с Богданом наконец поговорим о том, что случилось между нами. Но слова Мари отрезвляют, как град посреди июльской жары.

– Может, он говорил о другой книге?

– Другое неизданное фэнтези о девушке магичке? – уточняет Мари так, будто подобный сюжет – нечто крайне редкое.

Я красноречиво заламываю бровь, а Мари шумно вздыхает:

– Я уверена, Гель! Все сработает как надо.

Задумчиво кручу горячий стакан. Касаюсь картонной по-

верхности одними кончиками пальцев, поворачивая его до тех пор, пока не вижу надпись, сделанную броским почерком: «Ангел».

В груди рассыпаются обжигающие искры Млечного Пути. Они становятся все больше, горячее, и перед глазами вспыхивают осколки воспоминаний.

Ангел.

Меня так называла только бабушка.

– О, у меня сначала было такое же лицо, когда пост увидела! Да, я тоже удивлена. – Подруга улыбается, убирая от губ стаканчик. Между тонкими пальцами проглядывает надпись – «Мари». – Немного по-другому мой план выглядел...

– А теперь что дальше? – Я делаю усилие и отрываю взгляд от стаканчика. Поворачиваю его так, чтобы Мари не увидела надпись.

– Будем ждать. Пусть влюбится покрепче, – смеется она, а я с улыбкой качаю головой.

– Даже не знаю, влюбится ли Богдан в «Дебют»...

– Стой. Ты что, не заменила название? – Глаза Мари округляются, и на секунду я жалею, что мы сидим в углу. Сбежать отсюда будет не так-то просто!

Развожу руками с виноватой улыбкой, а подруга закрывает ладонью глаза и страдальчески стонет. Пользуюсь моментом и стреляю взглядом за спину Мари. Против воли смотрю на Филиппа, который обслуживает других клиентов.

Хочу отвести взгляд, но не успеваю и проигрываю дуэль.

Филипп поворачивается к кассе, и наши глаза встречаются.

– Черт, – роняю я тихо и опускаю взор в тарелку. Пульс глушит ругательства Мари.

Мне требуется время, чтобы отойти от детского и глупого смущения, которое во мне родилось от простой игры в гляделки.

– Черт? И это все, что ты скажешь в свое оправдание? – рвет и мечет подруга. – Ты не понимаешь, что название так же важно, как сама история? Это ведь первое, что видит читатель!

– Вообще-то сначала читатель видит обложку, а потом...

– О, первые светлые мысли! Ученик скоро превзойдет учителя...

– Простите, сенсей! Это больше не повторится! Я готова внимать вашей мудрости!

– Мудрости, – прыскает Мари. – Я всего лишь умею серфить по книжным каналам.

– Кстати, я сегодня начала вести свой.

– Серьезно? Когда успела? Почему мне не сказала?

– В очередях на почте время течет совсем иначе, а в голову приходят странные мысли, – проговариваю я таинственно, уже копируя в телефоне ссылку для Мари.

Мы сидим в кафе около часа, за который еще несколько раз сталкиваюсь взглядом с Филиппом. И хоть внутри сгораю от странного смущения, виду не подаю. Болтаем с Мари о книжных новостях, которых обе нахватились в интерне-

те. Обсуждаем блогеров, ведь уже обе знаем многих из них. Потом долго выбираем фотку для аватарки профиля, а затем Мари мечтательно рассказывает о новых стратегиях продвижения. Все они мне кажутся слишком сложными, почти неосуществимыми.

Например, по одному из планов я должна выступить на книжной ярмарке с презентацией своей книги. Но на презентацию еще нужно как-то пробиться. А даже если это случится, кто придет к автору-новичку?

Все эти разговоры такие наивные, местами глупые... Но когда я искренне улыбаюсь и вместе с Мари предаюсь мечтам, то вдруг понимаю, что ощущаю себя счастливой.

Глава 5

– Нет. Совсем не подходит.

– Разве? По-моему, хорошо сидит. Мальчику очень идет!

Вижу, как мама прикусывает губу и оценивающим взглядом снова смотрит на Пашу. Продавец права. Брату рубашка подходит идеально. Сидит хорошо, будто шили по меркам мелкого.

А вот что точно не подходит, так это цена.

– Давайте все же прошлую еще раз примерим. – Кашлянув, мама скрещивает руки на груди и прячет кисти под локти. Верный признак, что ей не по себе.

Продавец качает головой, думая, что этого никто не видит. И подает Паше рубашку, которую он уже раз пять мерил. Тот морщит нос, но послушно задергивает шторку и переодевается.

Мама притопывает ногой, дожидаясь, пока брат снова покажется из примерочной. Но и она, и мы с папой знаем, что ничего не изменится. Рубашка Паше мала. Рукава короткие, а если поднять или согнуть руки, то подскакивают почти до середины предплечья. Воротник слишком узкий, а ткань на груди топорщится.

Зато по цене самое то.

– Лен, пойдем в другой магазин? – Папа не выдерживает первым. Встает с дивана, приобнимает маму за плечи. – Мы

ведь еще не все магазины обошли.

– Просто пытаюсь выбрать лучший вариант, – шепчет мама и устало касается кончиками пальцев лба. – Хочу, чтобы для Паши поход в первый класс был праздником, а не пыткой.

– Рубашка на два размера меньше нужного точно не соответствует таким запросам. – Я развожу руками.

Оба родителя оборачиваются на диванчик, на котором развалилась я одна. Еще немного, и потону в мягкой спинке и забудусь крепким сном. Уже устала наблюдать за этим шоу переодеваний, где каждый наряд похож на другой. Это же просто белые рубашки! К тому же мужские. Скука смертная.

– Тебе мы тоже что-нибудь тут выберем. Первый курс – это не менее важно, – наставительно провозглашает мама и уже тянется к вешалкам с женскими блузками.

О нет. Еще час неудержимого шопинга я не выдержу! Примерять одно и то же до зубного скрежета, до ненависти к вещи, которую надел и снял уже столько раз, что готов сбежать из примерочной хоть голышом? Безусловно, безудержное веселье, но сегодня я уже выдохлась.

– Э-э, мам...

– О, смотри, какая блузочка! – Мама достает из-за расшитого серебряной нитью воротника ценник, а затем, кашлянув, вешает вещь обратно. – Показалось. Там нитки торчат, и пуговицы облезлые... Но ничего. Сейчас найдем что-нибудь получше!

Смотрю, как мама старательно ищет что-то достойное, а папа ходит за ней. Перевожу взгляд на Пашу, который так резко отдергивает занавеску примерочной, что сразу становится ясно – малой на пределе.

– Другая была лучше, – совершенно справедливо замечает продавщица.

По лицам родных вижу, что каждый из них с этим согласен. Но решает сейчас семейный бюджет.

– Мы посмотрим что-нибудь другое на мальчика. – Мама вежливо улыбается, но на продавщицу не глядит. Кивает Паше, и тот беззвучно стонет.

Все было зря.

Мой телефон крикает, оповещая о новом сообщении. Экран загорается, но прочитать ничего не успеваю. Мама подхватывает меня за плечо, и вот я уже стою рядом с примерочной вместо Паши. Передав знамя, тот злорадно улыбается.

– Смотри. Как тебе эта кофточка?

– Ну не-е...

– А эта?

– Не моего размера.

– Других вариантов нет. – Мама пытается впихнуть мне вешалки, но я уворачиваюсь.

– Как это нет? – раздраженно всплескивает руками продавщица. Поправив очки на носу, она пускается вдоль рядов с блузками. – Вот ваш размерчик. И это... А еще...

– Это слишком дорого! – не выдерживает мама, и вся наша семья наконец-то облегченно вздыхает.

Никогда не понимала, почему мама стесняется говорить открыто – мы далеко не богаты.

Мы выходим из магазина без сил и без покупок. Полный провал и бессмысленная трата времени. А родители еще и весь выходной на это спустили!

Мама смотрит на часы, а я – на небо. Оно уже розовеет, готовясь укутаться в вечернюю синеву.

– Магазины скоро закроются, но мы успеем еще куда-нибудь зайти. – Мама оглядывается на проспект, явно прикидывая, есть ли там среди продуктовых и аптек еще точки с одеждой.

Я помню, что такие найдутся, но идти совершенно не хочу. Устала ужасно, да еще и сообщение от Мари не дает покоя.

Зяблик, 20:05

Это полный треш. Он совсем тупой?

О ком она? Вряд ли о преподавателе по вождению, в которого подруга влюблена. Скорее всего, дело в Богдане. Моя догадка только крепнет, когда следом за гневным сообщением прилетает пересланный пост. Но сразу открыть его не получается.

– Гель, ты идешь? Времени мало, а еще померить все нуж-

но! – торопит мама, красноречиво указывая на наручные часы.

– Может, в другой день?

– В другой день у меня работа. Да и когда еще мы вот так всей семьей выберемся на отдых?

Папа устало потирает затылок. Паша, больше не находя в себе сил стоять, сидит на бордюре.

Отдых. Ага, как же.

– Может, лучше в кафе какое-нибудь зайдем? – предлагает папа, прекрасно видя, что на шопинг я не настроена.

Мама широко распахивает глаза, будто отец только что предложил продать квартиру и уехать путешествовать дикарями. Верх безрассудства!

– Дань, у нас нет на это денег. Ты же знаешь...

– Иногда нужно себя радовать.

Оба родителя оборачиваются на меня, заставляя почувствовать себя весами. В чью сторону склонюсь? Только вот малейшее нарушение равновесия может дорого обойтись всем нам.

Не хочу обижать папу отказом. Не могу расстраивать маму, отвергая ее заботу. А если еще и вспомнить, что любой выбор будет стоить денег...

Если бы я только могла зарабатывать на книгах столько, чтобы обеспечивать и себя, и родных! Но пока что это неисполнимая мечта. Сказка, по сравнению с которой даже драконы кажутся более реальными.

Продвигайся. Рекламируй! Вкладывайся!

Пока что мое творчество отнимает деньги, а не приносит их.

Телефон в моей руке вибрирует. На экране появляется сообщение от Мари:

Зяблик, 20:08

Я у твоего подъезда. Ты где???

– Ну офигеть теперь, – вздыхаю я тихо. Что же там случилось такого, что Мари примчалась ко мне, даже не дождавшись ответа на сообщения?

Родители спорят, куда лучше пойти. Паша вопит: «Парк!», а я глупо таращусь на экран. Родственники могут планировать что угодно, но за меня уже все решила Мари.

– Мам, пап, мне нужно бежать. У Мари что-то случилось. – Даже не дождавшись ответа, я начинаю пятиться в сторону нашего дома. Отсюда домчу до двора минут за пять.

– Что-то серьезное? – хватается за грудь мама.

Сомневаюсь, что так, но на всякий случай пожимаю плечами. Тогда мама и папа одновременно кивают, а я разворачиваюсь на сто восемьдесят градусов и срываюсь с места.

Уже издали слышу, как радуется брат:

– В па-арк!

Остановившись на одном из светофоров, заглядываю в телефон и открываю пересланный Мари пост. Как я и думала, шум поднялся из-за Богдана. Он наконец-то рассказал в блоге, что за книгу читал. И, разумеется, это не мой «Магический дебют».

«Так и знала», – шепчет внутренний голос. План Мари был большей сказкой, чем мое фэнтези. Та задумка с броском телефона на балкон и оставленной в комнате Богдана флешкой должна была умереть еще недееспособным зародышем.

Но Мари так не считает. Понимаю это, когда вижу ее издалека, едва вбежав во двор. Подруга даже усидеть на месте не может. Стоит у лавочки возле подъезда, нервно притопывая и уперев свободную от телефона руку в бедро.

– Готова поставить свою лучшую тушь на то, что Богдан над нами издевается, – вместо приветствия говорит Мари.

Почти без сил падаю на лавочку и, тяжело дыша, смотрю на подругу снизу вверх:

– Побереги косметику. Вероятнее всего, Герасимов просто не в курсе, что мы ему что-то подкинули. А даже если в курсе...

– Думаешь, не стал смотреть, что на ней?

– Так бы сделал любой нормальный человек.

Мари щелкает пальцами с видом «я тебя поймала на слове». Сразу понимаю, к чему все ведет, и со страдальческим видом качаю головой.

– А, ну да...

– Гель, ты два года назад должна была уяснить, что Богдан и нормальный человек – это антонимы. – Потом она чешет ногтем кончик брови и вздыхает. – Хотя намеков на его долбанутость было полно и раньше, если честно...

– Ты про тот случай, когда он отказался брать нас в компанию на речку? Или когда пообещал пойти с нами в кино, а потом посреди сеанса сбежал?

Говорю это, а в душе точно расплзается разъедающая лужа кислоты. Знаю ведь, что таких случаев было гораздо больше... И как я вообще запала на него в восьмом классе?

– О. Спасибо, что напомнила! – потирает ладони Мари. – Обязательно пополню список «Косяки Герасимова. Том первый». Всего планируется не меньше десяти выпусков, так что не расслабляйся.

На детской площадке играет ребятня. Смотрю на гурьбу детей с тоской и некоторой завистью. Когда-то здесь играли мы, и все было гораздо проще.

Но я сама во всем виновата. Головой ведь знала, какой Богдан на самом деле – ведóмый, зависимый от чужого мнения. Он дружил со мной и Мари класса до седьмого, когда это не было чем-то зазорным для мальчишки. Уже потом ему в голову ударила «крутость». Он стал бегать за парнями по-

старше, чтобы пробиться в их компанию, начал забывать про нас с Мари.

Я знала, что он такой. Но глупо влюбилась в образ, который сама создала для Богдана. Заставила себя верить, что он сбегает от меня не из-за стыда за дружбу с девчонкой, а потому что не понимает вдруг возникших чувств. Наивно думала, что Богдан борется со вспыхнувшей влюбленностью, но ничего не может с ней сделать и потому раз за разом сбегает.

Уже теперь я вижу, что в окончательном разрыве нашей дружбы во многом виновата сама. Ведь чувства Богдана ко мне стали первой сказкой, которую придумала.

– В общем, вариантов у нас два, – произношу я, отводя грустный взгляд от детской площадки. – Богдан либо не видел роман, и те посты – случайное совпадение. Либо видел и решил нас проучить.

– Я даже не знаю, что из этого хуже. – Мари садится рядом со мной. Она ставит рюкзак на коленки и обнимает его. – Как будем действовать? Нам придется поговорить с Богданом.

– Уверена, что нам это нужно? Прошлый твой план... хм... Успехом не увенчался...

– Называй вещи своими именами. Мой прошлый план – полный провал!

– Окей. Так нужен ли нам после полного провала еще и окончательный провал? Мы обе знаем, что на Богдана полагаться... глупо.

– Мы не требуем от него многого. Просто сказать, что у

Лины Ринг скоро выйдет классное фэнтези. Неужели это так сложно и ответственно?! Гель, тебе нужно заявить о себе.

– И я сделаю это. Богдан нам не нужен.

Мари смотрит на меня, как на умалишенную. Не понимает так же, как я не понимаю ее. На Герасимове свет клином не сошелся.

– Он не единственный блогер в мире. – Я морщусь от солнца, глядя на рдеющее небо. – Я уже завела блог. Аудитории пока нет, но все поправимо. Начну комментировать чужие посты, сделаю пост-знакомство, буду выкладывать цитаты из «Магического дебюта».

Где-то в зеленой листве прячутся поющие птицы. Прохладный ветер перебирает волосы. Внутри зреет уверенность – Богдан мне не нужен.

– Познакомлюсь с другими авторами и блогерами, и все будет хорошо. Время еще есть.

– Но Богдан...

– Может идти лесом. И флешку пусть себе... оставит на память. Не надо было вообще все это начинать. Не понимаю, почему я позволила себя затащить в твою авантюру?

– Потому что у меня с собой было шампанское, – вытянув перед собой длиннющие ноги, лыбится Мари. – Один глоток, и Ангелина Кольцова на все согласна!

– Фу! Звучит отвратительно! – Толкаю подругу в плечо, и она заливается звонким смехом.

– Да ладно, Гель! Просто пригуби, и мы снова кинем что-

нибудь этому придурку на балкон. Хочешь?

– Нет! – Я уворачиваюсь от дружеского захвата, вскакиваю на ноги и со смехом выдаю: – Я с тобой больше не пью! Да и не пойду домой к Богдану! Ни за что!

– Круто! – хлопает в ладони Мари и тоже подрывает с лавочки.

Ее лицо меняется за долю секунды. Дурашливая улыбка слетает, точно сбита ударом маска. В зеленых глазах – сосредоточенность и серьезность. Она хватается меня под руку и тянет за собой.

Я не сразу понимаю, куда она меня тащит, а потом кусты под окнами дома расступаются, и я замечаю светловолосую макушку Богдана. Он нас не видит. Идет с пакетом в сторону мусорных баков.

– Я не пойду! – вырываюсь из цепкой хватки Мари. – Сказала же, я...

– Ты сказала, что домой к нему не пойдешь! – напоминает подруга. – Про разговор на улице речи не было.

– Предлагаешь щемить его у помойки?!

– В идеале надо поймать его раньше. С мусорным пакетом он от нас далеко не сбежит.

Она ускоряет шаг, а я застываю на несколько секунд, не зная, что делать. Что за бред?!

– Эй, слышь! – орет Мари в спину Богдану, и в этот момент я чувствую, как жаром загораются кончики ушей.

Боже. Как мы с Зябликовой вообще подружились?!

– Я к тебе обращаюсь, Герасимов! Стой!

Бледное лицо Богдана поворачивается на нас лишь на секунду, а затем Герасимов бегом припускает в сторону баков. Мари, не жалея туфель на платформе, кидается за ним. Не хочу участвовать в этом цирке, но куда деваться, если шоу началось из-за меня?

– Чего вам надо? – вскрикивает жертва, когда нагоняем ее на площадке у мусорки.

Богдан выставляет перед собой руку с пакетом, и мы с Мари одновременно поднимаем безоружные ладони.

– Давай без глупостей, Богдан, – тоном хорошего полицейского начинает Мари. – Опустит пакет.

– Что? Нет! Сначала отвалите от меня! – Он еще выше вскидывает руку, отчего тонкий черный пакет начинает опасно раскачиваться из стороны в сторону.

– Не вынуждай нас применять силу. – Влившись в роль, я делаю шаг вперед. Богдан отступает и едва не налетает спиной на мусорный бак.

– Не приближайся. Я ведь кину его, – угрожает беглец, кивая на свой снаряд.

Я приглушенно смеюсь, а Мари качает головой.

– Ты не сделаешь этого, – почти ласково шепчет подруга. – Решешь атаковать и сам же пострадаешь. Сегодня ветрено, Богдан. Неужели готов устроить мусорный дождь?

– Как опрометчиво, – поддакиваю я, но отступаю, едва уловив в глазах Богдана блеск промелькнувшей решитель-

ности.

– Плевать. Я остановлю вас даже ценой собственной жизни!

Он уже замахивается, чтобы подбросить мусорную гранату над нашими головами, но в последний миг фарс ставит на паузу скрипучий голос Игната Олеговича:

– Молодежь! – злобно кричит сосед снизу, возникший за нашими спинами. – А ну пошли прочь отсюда! Устраивайте разборки в другом месте!

Богдан было открывает рот, чтобы пожаловаться на нас с Мари, но в последний момент смиренно прикусывает язык. Он сбрасывает «оружие» в бак, следом то же самое делает Игнат Олегович. Сосед окидывает нашу троицу неодобрительным взглядом и уходит.

– Так и будем тут стоять? – разводит руками Богдан. – Вонюща страшная ведь!

– Зато перебивает аромат предательства, – едко подмечаю я, но тут же кривлюсь, едва взгляд касается гнилых помидоров, что валяются на земле рядом с моей ногой.

Еле сдерживаю рвотный позыв и сдаюсь первая. Молча разворачиваюсь и иду в сторону детской площадки у наших подъездов. Хватит с меня свалочного пафоса.

– Гель! – зовет Мари, но я не останавливаюсь.

Тогда из-за спины слышу, как пыхтит Богдан и что-то гневно шипит подруга. Оборачиваюсь и с удивлением наблюдаю за тем, как Мари тащит Герасимова за ворот фут-

болки, как за поводок.

Хочется хлопнуть себя по лицу от недоумения вперемешку со стыдом. И после этого Мари думает, что Герасимов станет нам помогать? Серьезно?!

– Отпусти его, – прошу уверенно.

Подруга смотрит на меня, как на предательницу. Хочет возразить, вижу это по ее потемневшим зеленым глазам. Но я твердо произношу:

– Так мы от него не добьемся ничего... кроме мольбы о пощаде. Отпусти, Марин.

Она мнетсся еще секунду, но потом отталкивает Богдана и отряхивает руки, будто испачкала их в грязи.

– Тебе повезло, – цедит она сквозь зубы, с презрением глядя на нашего пленника.

Выбираю самую дальнюю от детской площадки скамейку, что прячется в тени старого тополя. Сажусь, закинув ногу на ногу и скрестив руки на груди, и исподлобья смотрю, как приближаются Мари и Богдан. Зяблик иногда пихает Герасимова в плечо, подгоняя, а он что-то возмущенно бурчит.

Слабак. Не может дать отпор ни своим страхам, ни девочкам. Только и умеет, что идти на поводу. Как он мог мне нравиться?!

Смотрю сейчас в серые глаза, которые романтично называла ураганными, но вижу только слякотные лужи. Пшеничные волосы кажутся соломой, а пухлые губы – варениками, которые не то что целовать не хочется, а даже смотреть на

них противно.

Единственное, чего я действительно бы хотела от Герасимова, – это извинений. Хочу понять, что было в его голове в тот вечер. Почему он пригласил меня на лагерный пирс после отрядной дискотеки, но пришел не один, а с толпой старших парней. Почему не сказал сразу, что они ждут за вышкой и слышат каждое слово? Почему не остановил, когда признавалась ему в безответных чувствах, а потом смеялся над моей глупостью вместе с друзьями?

Поджимаю губы, на которых горчит вкус воспоминаний. Хочется сплюнуть его в песок и туда же отправить память не только о том летнем вечере, но и о своей наивности. Я была такой дурой...

– Так. Садись. – Мари указывает Богдану на место на скамейке рядом со мной. Красноречиво выгибаю бровь и с вопросом смотрю на подругу.

Неужели она не понимает, что я участвую во всем этом только из-за нее? Если бы не Мари, я бы в жизни к Богдану больше не приблизилась. И сейчас, если честно, тоже не горю желанием даже на одной скамейке с ним сидеть.

– Постою, – благоразумно выдает Богдан.

– Как знаешь.

– Чего надо-то? – снова спрашивает он то же самое, что и у мусорных баков. Только теперь его голос звучит не напуганно, а раздраженно.

– Дело есть, – туманно отвечает Мари и подмигивает мне.

Заметив это, Богдан обращает все свое внимание на меня. От его взгляда хочется отмыться, как от грязи. Не смотрю в его лживые глаза, сверлю взором Мари.

– Ты это заварила, – протягиваю невинным тоном и поднимаю ладони. Мол, умываю руки.

– Вредина, – шепчет Мари, но потом собирается и уже жестче обращается к Богдану: – У тебя есть кое-что, что принадлежит нам.

По непроницаемому взгляду Богдана невозможно понять, знает ли он о флешке. Он пытается казаться невозмутимым, но я-то вижу, как натянута ткань футболки на его напряженной спине. Вижу, что руки Богдан прячет в карманы шорт, а носки кроссовок сведены в закрытой позе.

– Не понимаю, о чем вы.

– Не ври, – говорю я колко и чуть суживаю глаза, чтобы взгляд казался проницательным и серьезным. – Где флешка, Герасимов?

Мы ждем ответа несколько секунд. Напряжение растет, словно снежный ком, что катится с горы. Но он разлетается слепящей пылью, когда Богдан с холодным спокойствием выдает:

– В твоём почтовом ящике, Ангелина.

Бум! Значит, он знает. Все знает.

Удерживать маску напускного спокойствия больше не получается, когда я понимаю – Богдан не только знает, что я пишу. Скорее всего, он читал мою книгу. Возможно, он да-

же понял, что принц Борислав, предавший Александру, – не простой персонаж. Это и есть Богдан.

– В ящике? – удивленно роняет Мари.

По растерянному лицу подруги понимаю, что сейчас она складывает два и два. Она тоже поняла, что Богдан видел «Магический дебют».

– Ты читал мою книгу? – без промедлений задаю самый главный вопрос и тут же получаю пулю в лоб.

– Пролистал, но не заинтересовало. Романтичные сказки для девчонок – не мое.

В этот момент меня будто накрывает металлическим колпаком, под которым я один на один варюсь со своими тараканами. Понимаю, что слова человека, который даже прочитать ни главы нормально не удосужился, не должны для меня что-то значить. Знаю, что Богдан, возможно, просто пытается меня задеть.

Я не должна принимать псевдокритику близко к сердцу. Но не могу.

– Это не просто романтическая сказка. – Я изменяю голос, подражая тону Богдана. Поражаюсь сама себе, как мерзко звучат слова, как больно они, сказанные вновь, ранят сердце.

Этой книги бы не было без моей бабушки. История Александры посвящена ей и только ей. «Магический дебют» – волшебное приключение для тех, кто хочет отдохнуть. Но тот, кто ищет помощи, непременно найдет и ее между строк.

– У тебя какие-то проблемы с ромфантом? – вмешивается

Мари. – Не читал хорошего романтического фэнтези? Ах да! Ты же кинул флешку с ним в почтовый ящик Ангелины!

Ценю поддержку подруги, но это не те слова, которые сейчас бы произвели нужный эффект. Нам нужно заинтересовать Богдана, а не разозлить его.

Хотя... Я бы с удовольствием завершила эту недосветскую беседу и пошла домой писать продолжение цикла. Толку было бы явно больше.

Но теперь отступать уже поздно. Богдан либо на нашей стороне, либо... Либо у него есть все шансы устроить мне антирекламу в своем блоге.

Так и вижу заголовки постов: «Лина Ринг. Новое слово в молодежной литературе или последний гвоздь в крышку гроба здравомыслия?»

– Короче, Богдан... – Страхивая с себя ужас перед возможным будущим, я поднимаюсь со скамейки. Может быть, мне до тошноты противно смотреть в его лицо, но, если хочу ступить на тропу перемирия, без этого никуда. Герасимов должен понимать, что мы не враги. – Мы не с того начали.

– Вы это поняли только сейчас? Зачатки адекватности не проклюнулись, когда вы кидали телефон на балкон, чтобы пробраться в мою комнату? А потом, когда зажали меня на помойке?

– Эй, мы тут белый флаг поднять пытаемся! – морщит смуглый нос Мари.

– Очень вовремя!

– Знаешь, мы хотя бы признаем свои ошибки! – цедит подруга и в последний момент сдерживается от того, чтобы не толкнуть Богдана.

Он хмурится лишь мгновение, а затем переводит затравленный взгляд на меня.

Браво, Мари! Безупречное жонглирование стыдом! Жаль только, что трюк этот выполнять приходится моим сердцем.

– Гель... – вздыхает Богдан, и этот звук – точно нож, который провернули в груди.

Что ж, он сожалеет. Отрадно знать. Но позапрошрое лето в лагере – не та тема, которую я сейчас готова обсуждать. Не при Мари.

– Так. – Я беру все в свои руки и возвращаю беседу в нужное русло: – Давайте по делу. Чем раньше все решим, тем лучше.

– А что решать? – криво и совсем не весело улыбается Богдан. – Думаете, я не понял вашей задумки?

Мы с Мари переглядываемся. Знаю, что мое лицо сейчас выглядит точно так же, как лицо подруги. Губы поджаты, брови жалобно опущены, а в глазах безмолвное «О нет, только не это».

– Ты, – Богдан тычет в меня пальцем, – написала книгу. А ты, – переводит взгляд на Мари, – решила, что раз я блоггер, то обязан продвигать Гелю. Круто, конечно, что роман издадут. Редко кому удастся выпустить первую же книгу, да еще и в восемнадцать лет...

Мари кивает, глядя мне в глаза. Стояли бы мы чуть ближе, и она бы наверняка похлопала меня по плечу.

Но ободрительный тон Богдана вдруг меняется на холодный и жесткий:

– Только с чего вы решили, что я буду распыляться ради вас? Мы давно не друзья, а книга... А какой она, собственно, может быть, если автор настолько молод, что ни житейскому опыту, ни мудрости взяться неоткуда?

– Я ему сейчас всеку, – шипит Мари, но я вовремя хватаю ее за плечи и оттаскиваю к скамейке.

– Не надо, – шепчу успокаивающе, даже не понимая, к кому больше всего обращаюсь.

Богдан же не умолкает. Видит, что я сдерживаю Мари, а потому вдруг обрывает такой броней уверенности, что удивительно, как та его не расплющила своим весом.

– И то, как вы мне подкинули флешку, – унижительно. Неужели думали, что я настолько туп, что готов читать вообще все, что написано на знакомом языке? «Магический дебют», – хмыкает он, издевательски повторив название моего романа. Становится больно, и я теряю контроль над собой на пару секунд.

Руки опускаются, но и Мари больше не рвется в бой. Она так же шокирована, как и я.

– На что вы с таким названием рассчитывали? Аннотации нет. Первые страницы впечатляют лишь наивностью писателя. Неинтересно. Читать дальше нет желания, уж тем более –

рекламировать этот бред в своем блоге. Меня же подписчики уважать перестанут! Я дорожу своей репутацией и марать ее о «Магический дебют» не планирую.

Мне хватает сил сдержать слезы. Они даже на глазах не выступают, хоть и обжигают горло. Смотрю на Богдана будто сквозь туман и не понимаю, как когда-то могла стоять перед ним и, едва слыша себя из-за трепета сердца, лепетать: «Ты мне очень нравишься».

– Ну ты и сволочь, Герыч, – выплевывает Мари. – И с каких пор так печешься о репутации, которой у тебя на самом деле никогда не было? Только и можешь, что клеиться к тем, кто круче и важнее, забывая на друзей и чужие чувства!

Герасимов смеется, и мне хочется стереть его улыбку с лица каким-нибудь едким замечанием. Но не могу найти в себе силы выкинуть из мыслей злые и грубые слова. Они пугающим эхом разносятся в голове. Хочется сжаться в комок и исчезнуть. Отозвать подписанный с издательством договор, удалить все свои начатые и законченные романы и больше никогда не садиться за клавиатуру.

Неужели я и правда настолько бездарна? Издание – это просто случайность. Может, и ошибка. Да, точно. Редактор наверняка не читала мою книгу, раз решила выпустить ее на бумаге...

– Гель, не слушай его! – встряхивает меня Мари, возвращая в реальность. – У него ж рожа гнусная! Только и ждет, чтобы зацепить и обидеть!

– О да. Я просто завидую вам, – сладко протягивает Богдан. – Мне бы никогда не хватило сил написать такой бред, а потом так яростно его навязывать.

– Да иди ты, – возмущенно шипит Мари. – Кому ты нужен?

– Вам, – смеется Богдан, откровенно веселясь. – Вы ведь сами ко мне прилипли!

– Пойдем. – Я беру Мари за руку и тяну прочь от скамейки, на которую теперь еще долго не смогу даже смотреть. – Я говорила, что идея отстойная.

Мы отходим на несколько метров, и кажется, что раунд окончен. Но в спины летит голос Богдана:

– Урок первый, *Лина*. Критики и наездов со вкусовщиной будет много. Ты должна уметь принимать их или игнорировать. Дашь слабину, и можешь забыть об авторской карьере.

Мари продолжает шагать по двору, но я вырываю ладонь и застываю как вкопанная. Не оборачиваюсь на Богдана, но жду, что еще он скажет.

– Нет ни одной истории, которая бы нравилась абсолютно всем. Научись ставить свое мнение о книге и любовь к ней выше чужих злых слов. Только тогда сможешь крепко стоять на ногах и продолжать писать, несмотря на хейтеров. А они, как и фанаты, у тебя будут, поверь.

Мари смотрит мне за спину с недоумением. Она кивает мне, молчаливо спрашивая: «Идем?» Я слабо улыбаюсь и, не оборачиваясь, выкрикиваю:

– Еще уроки будут?

– Только совет. Начинай копить деньги.

Глава 6

За следующую неделю жизнь учит меня несколькими вещам.

Первая – продолжать писать книгу после того, как твое авторское эго окунули в грязь, тяжело, но необходимо.

Слова Богдана до сих пор острыми осколками впиваются в сердце. Успокаивать себя мыслями, что Герасимов пытался вывести меня из себя специально, не получается. Я все еще захлебываюсь в яде, который бывший друг в меня плеснул. Знаю, что антидот простой – собственная любовь к своему творчеству. Но как же сложно любить безусловно, когда это чувство пытаются прихлопнуть, точно жучка мухобойкой.

В тот вечер после нашего разговора, вернувшись домой, я долго пролистывала документ рукописи. Сердце колотилось с тройной силой, разрываясь между искренней любовью и навязываемым отвращением.

«Это написала я?» – вопрос рождает в душе восхищение вперемешку с ужасом. Скоро мою книгу прочтут тысячи людей. И, как сказал Богдан, меня будут и ругать, и хвалить, а не сойти с ума и не сдаться на избранном пути поможет лишь безукоризненная вера в себя и свое творчество.

И нет способа полюбить свой текст вернее, чем продолжать творить.

Писать, полировать и, самое главное, наслаждаться про-

цессом. Работая над продолжением истории Александры, я вновь влюбляюсь в эту историю. Пальцы пляшут по клавиатуре, и душа живет между строк.

Любовь заразительна. Уверена, рано или поздно это срабotaет и с «Магическим дебютом».

Вторая вещь, которую я осознала, – нужно учиться говорить о своей книге. Эта мысль пришла ко мне, когда начала публиковать первые посты на своей страничке. Хотела выложить для своих десяти подписчиков короткий рассказ о будущей книге, но вдруг поняла, что в голову ничего, кроме аннотации, не идет.

Этого недостаточно! А странное ощущение неловкости, когда приходится хотя бы подумать о своем романе? Черт, да с этим нужно как-то бороться!

Мари грезит о том, как я попаду на книжное мероприятие и в микрофон сладкими речами о «Дебюте» буду завоевывать новых читателей. Только вот пока что максимум, на который я способна даже в мыслях, это: «Ну, книга о девушке, которая открывает в себе волшебный дар после побега из дворца. Знаю, звучит банально, но там и правда прикольно! Прочитайте. Ну пожалуйста!»

Даже подумать стыдно... А ведь я не случайный читатель, а автор! Автор, который не в состоянии без заиканий и стыда рассказать о своем творении.

Просто сказка!

Звучит жалко. Но, если подумать, зато я знаю свое слабое

место, а это уже первый шаг к решению проблемы.

И, наконец, третье озарение. Найти работу вчерашней школьнице совсем непросто. И то, что у меня пока что нет образования, лишь полбеды. Работодатели даже за копеечную зарплату не спешат заключать договор с абитуриенткой, которой придется искать замену, едва начнется учебный год.

Мне отказали в нескольких кафе и ресторанах быстрого питания. Не взяли ни уборщицей, ни курьером. На пару дней, правда, приняли на место промоутера, но работа кончилась вместе с рекламками. Деньги получила смешные, но зато вкусила первые плоды труда и поверила – я смогу заработать на продвижение до начала учебного года! Впереди полтора месяца, а что будет потом... Решат списки поступивших.

Родители не удивляются тому, что я ищу работу, и даже одобряют мое рвение. Они думают, что я хочу накопить на классные наряды для универа. И я не спешу развеивать этот мираж.

Не хочу, чтобы начались расспросы. Почему издательство не занимается продвижением своих писателей? Почему автор должен вкалывать не только над книгой, но и над тем, чтобы она продавалась? У меня пока нет ответа. Я просто делаю все, чтобы «Дебют» ворвался в книжный мир на волне успеха, а не был потоплен чужим.

И вот спустя неделю бесплотных поисков работы я оказываюсь на пороге уже знакомого заведения. Моя последняя

надежда на подработку в своем районе – кофейня «Чао-ка-као».

Я вижу Филиппа еще до того, как войти внутрь. Топчусь у стеклянной двери, сквозь которую наблюдаю, как бариста готовит для гостя кофе, и пытаюсь собраться с мыслями. Неловко, если Филипп решит, будто я хочу устроиться в «Чао» из-за него. Но шутка судьбы в том, что даже если ничего подобного в мыслях бариста и близко не будет, то я об этом никогда не узнаю, но и накручивать себя не перестану.

Ничто не кормит самооценку так, как чужая симпатия. И даже если она надуманная – очков к самоуверенности все равно накинёт... украв их у меня. Надеюсь, Филипп не втянет меня в эту мерзкую пищевую цепь.

Колокольчик на двери звенит, а я приказываю себе улыбаться и хотя бы притворяться уверенной. Чтобы удержать осанку, представляю, что на макушке у меня стопка книг. Держу спину прямо и чуть вздергиваю подбородок, чтобы воображаемые томики не свалились с головы и не прихлопнули последние крупницы напускного спокойствия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.